

К ПОЛОЖЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ЭПОХУ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА

Н. М. Мещерякова

В советской литературе неоднократно отмечался повышенный интерес современных историков на Западе к проблемам генезиса капитализма¹. Их постоянное внимание к социальному аспекту зарождения буржуазного общества, особенно в Англии XVI—XVIII вв., связано с тем, что они прямо или косвенно продолжают выступать против марксистской концепции становления последней антагонистической формации, концепции, основное значение в которой придается экспроприации и жестокому угнетению народных масс — так называемому первоначальному накоплению. До сих пор буржуазные историки-«оптимисты»² пытаются опровергнуть выводы ученых-марксистов о существенном ухудшении жизни английского пролетариата в ходе промышленной революции — завершающего этапа генезиса капитализма³. Продолжаются дискуссии также по проблемам массового пауперизма, резервной армии труда в Англии XVIII — первой трети XIX в. и по другим проблемам этого же цикла⁴.

Буржуазные специалисты пытаются доказать «преимущества» капитализма с самого его возникновения и тем самым «продемонстрировать» народам молодых независимых государств, освободившихся от колониального гнета, «лучший путь» дальнейшего развития. Отсюда сравнение, например, Англии XVII в. с современной Нигерией⁵. При этом всячески приукрашивается положение народных масс, пауперов (экспроприированных!), рабочих путем восхваления английской системы благотворительности, схоластических подсчетов номинальной заработной платы и другими методами.

По данной проблеме советскими специалистами опубликовано много работ⁶. В настоящей статье предпринята попытка ввести в науч-

¹ М. А. Барг. Некоторые вопросы генезиса капитализма в Западной Европе в современной буржуазной историографии. «Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве». М. 1965; Н. М. Мещерякова. Формирование пролетариата в освещении К. Маркса и его новейших буржуазных «критиков». «Вестник Московского университета». История. 1968, № 3, и др.

² См., например, Ph. Deane. The First Industrial Revolution. Cambridge. 1965.

³ Историографию проблемы см.: Н. А. Ерофеев. Положение английских рабочих в эпоху промышленного переворота. Сборник памяти А. М. Панкратовой. «Из истории рабочего класса и революционного движения». М. 1958; см. также E. J. Hobsbawm and R. M. Hartwell. The Standard of Living during the Industrial Revolution: A Discussion. «Economic History Review», 1963, August.

⁴ M. Blaug. The Myth of the Old Poor Law and the Making of the New. «Journal of Economic History». Vol. XXIII, 1963, № 2; e j u s d. The Poor Law Report Reexamined. «Journal of Economic History», Vol. XXIV, 1964, № 2; J. S. Taylor. The Mythology of the Old Poor Law. «Journal of Economic History», Vol. XXIX, 1969, № 2.

⁵ B. E. Supple. Economic History and Economic under Development. «The Canadian Journal of Economics and Political Science», Vol. 27, 1961, № 4.

⁶ Е. Д. Воробьева. Формирование резервной армии в Англии в первой половине XVII века. «Ученые записки» Калининградского педагогического института, 1966,

ный оборот новый материал, подтверждающий правоту марксовской концепции генезиса капитализма, в частности раскрывающий губительные последствия для рабочих политики имущих классов Англии на стадии зрелой мануфактуры. Предмет исследования — закон об оседлости 1662 г. и его влияние на положение английских пролетариев в период раннего капитализма. Автор оперирует данными, относящимися в большинстве своем к первой половине XVIII века.

Ситуация, созданная в Англии действием закона об оседлости, представляет большой теоретический интерес. Свойственная и необходимая для капитализма подвижность рабочего люда сознательно пресекалась этим законом, принятым буржуазно-дворянским парламентом. Парадокс соединения как будто бы несовместимых явлений представляет собой нелегкую задачу для историков и экономистов, обращавшихся к данному сюжету. Тема привлекает внимание еще и потому, что позволяет расширить наши представления о методах внеэкономического принуждения рабочих и пауперов. В эпоху мануфактурного капитализма, как подчеркивал Маркс, нормальное действие механизма господства капитала над трудом осуществляется не только «слепой силой экономических отношений», но и непосредственным принуждением⁷. В арсенале методов прямого насилия, использованных молодой английской буржуазией, закону об оседлости принадлежит совершенно особое место⁸.

Еще до буржуазной революции середины XVII в. утверждение капиталистического уклада ознаменовалось целым рядом процессов, радикально изменявших облик английского общества. Рост пауперизма, особенно вследствие усиленных огораживаний, расширял потенциальный рынок наемного труда. Открытие рудников, копей, возникновение новых центров обрабатывающей промышленности, выделение специализированных районов повлекли за собой приток населения в промышленность. Уже тогда происходила внутренняя колонизация северных графств, главным образом Нортумберленда и Дарэма, увеличение населения каменноугольного района вокруг Ньюкасла и сукнодельческого Йоркшира⁹. Мобильность рабочего люда, миграция ремесленников, «бродяг» в промышленные области, колоссальный приток их в Лондон, число жителей которого возросло за полвека почти вдвое (1545 г. — 80 тыс., 1600 г. — 150 тыс.)¹⁰, — все это бросалось в глаза современникам, отмечавшим «текущее население, перемещение его из города в город, из графства в графство»¹¹.

Главные результаты революции — подрыв основ феодальной собственности на землю, а позже — завоевание верхушкой буржуазии политической власти предопределили успешный генезис капитализма с конца XVII века. Это признают и буржуазные историки. «Незаметный

вып. 2: Е. Б. Черняк. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М. 1962; Н. А. Ерофеев. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М. 1962; Н. М. Мещерякова. Налоговый пресс и положение рабочих в Англии первой половины XVIII в. «Проблемы новой и новейшей истории». М. 1972, и др.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 23, стр. 280, 747, 748, 750.

⁸ См. Н. М. Мещерякова. Внеэкономическое принуждение в английских законах против рабочих и пауперов конца XVII — первой половины XVIII в. «Вестник Московского университета». История, 1970, № 5.

⁹ J. Neff. The Rise of the Coal of Great Britain. Vol. I. L. 1932, p. 230; L. Deshesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre. P. 1900, p. 54; Н. М. Мещерякова. О промышленном развитии Англии накануне буржуазной революции XVII века. Сборник «Средние века». Вып. 7. М. 1955.

¹⁰ P. Ramsey. Tudor Economic Problems. L. 1965, pp. 10—11, 15.

¹¹ «Tudor Economic Documents». Vol. I. L. 1951, p. 360; см. также: F. J. Fisher. The Development of London as a Centre of Conspicuous Consumption in the XVI and XVII Centuries. «Essays in Economic History». Ed. by E. M. Carus-Wilson. Vol. II. L. 1961.

приход *laisser faire* наступил уже после революции»¹², — пишет, например, Дж. Рэмзи. Но те же авторы не обращают внимания на другую сторону процесса упрочения капиталистической экономики — на продолжающуюся в гигантских масштабах экспроприацию английского крестьянства¹³. «Ужасы, которыми сопровождалась экспроприация земли у сельского населения»¹⁴, приводили в конце концов этих бывших тружеников в лагерь пауперов, колоссально возросший в ту пору.

Современники сообщают цифры катастрофически высокого уровня пауперизма последних десятилетий XVII в. и первой половины XVIII века. По их сведениям, от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ всей численности английского населения составляли пауперы с их семьями¹⁵. Эти данные подтверждены исследованиями нашего времени¹⁶. Косвенно это же доказывает все возрастающая общая сумма налога в пользу бедных: 1688 г. — около 700 тыс. ф. ст.; 1701 г. — 900 тыс.; 1714 г. — 950 тыс.; 1760 г. — 1 250 тысяч¹⁷. Часть экспроприированных обретала новые условия существования в результате найма на производство¹⁸. Но «рассасывание» армии бедняков по этому каналу означало превращение в лучшем случае тысяч «праздных бедняков» («idle poor») в «работающих бедняков» («labouring poor»), тогда как наличная масса пауперов исчислялась самое малое полутора миллионами (при населении в 5,5 млн. человек)¹⁹. Приходы в сельской местности, дороги, города, особенно промышленно развитые, были переполнены бедняками, вынужденными бродяжничать, нищенствовать, заниматься поиском случайного пропитания и заработка. Начиная с 60-х годов XVII в. публицисты дискутировали по вопросу о путях уменьшения пауперизма²⁰.

Естественно, что в сложной обстановке эпохи Реставрации правительство не могло не обратиться к решению по-своему этой коренной задачи. Острая политическая борьба внутри английского общества, только что вышедшего из гражданской войны, побудила короля и парламент уже в 1661 г. принять закон «против мятежей и беспорядков»²¹. Немалые внешнеполитические трудности стояли перед государством из-за англо-голландского соперничества. В этих и без того крайне напряженных условиях одной из первых забот правительства было обеспечение мер защиты интересов собственнических классов перед лицом пауперизованной части общества — самой обездоленной и самой многочисленной.

Содержание принятого в 1662 г. «Закона о лучшем вспомоществовании беднякам королевства», широко известного как закон об оседлости,

¹² G. Ramsay. *Industrial laisser-faire and the Policy of Cromwell*. «Economic History Review», Vol. XVI, 1946, № 2, p. 108.

¹³ См. Н. Ж. Хабаккук. *La disparition du paysans anglais*. «Annales», 1965, № 4; G. E. Mingay. *English Landed Society in the Eighteenth Century*. L. 1963. Критику этих авторов см.: В. М. Лавровский. Крупное капиталистическое поместье в Англии XVII—XX веков. «Вопросы истории», 1965, № 10.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 23, стр. 767.

¹⁵ G. King. *Two Tracts*. Baltimore. 1936, p. 39; L. Braddon. *A Proposal for Relieving, Reforming and Employing all the Poor of Great Britain*. L. 1721, p. 65.

¹⁶ О них см.: D. C. Coleman. *Labour in the English Economy of the XVIIIth Century*. «Economic History Review», 2nd Series, Vol. VIII, 1956, № 3, p. 283.

¹⁷ G. Nicholls. *A History of the English Poor Law*. Vol. II. L. 1854, p. 465.

¹⁸ C. W. Chalklin. *Seventeenth-Century Kent*. L. 1965, p. 145; J. Nef. *Op. cit.*, pp. 479—480; H. R. Schubert. *History of the British Iron and Steel Industry*. L. 1957, pp. 354—365; D. C. Coleman. *The British Paper Industry, 1495—1860*. Oxford. 1959, pp. 48, 66—67, 74, 88, 146; R. Davis. *The Rise of the English Shipping Industry in the XVIIIth and XVIIIth Centuries*. L. 1962, pp. 10, 15.

¹⁹ G. King. *Op. cit.*, pp. 18, 22.

²⁰ J. Child. *New Discourse of Trade*. L. 1669; «The Grand Concern of England Explained». L. 1673; A. Jarranton. *England's Improvement by Land and Sea*. L. 1677; R. Hains. *Reasons for Erecting in every County a Working Alms House*. L. 1678; M. Hale. *A Discourse Touching Provision for the Poor*. L. 1683 a. o.

²¹ «The Statutes of the Realm». Vol. V. L. 1819, 13° Car. II, 1661, ch. XXI, p. 224.

или поселении²², сводилось к следующему. Он требовал от местных властей — мировых судей — обеспечения оседлости пауперов. Каждый паупер, согласно закону, мог поселиться лишь в одном приходе — там, где он родился и постоянно жил, где было его прежнее хозяйство или где протекало его ученичество. Местные власти обязаны были распознать в течение 40 дней бедняка-пришельца и переправить его в родной приход. Только на период уборки урожая бедняки могли переходить в другие приходы по мере спроса на рабочие руки. Но тогда каждый из них должен был получить удостоверение (сертификат) от должностных лиц своего прихода, которое подтверждало право паупера на временное поселение в чужом приходе с целью найма на уборку урожая.

С конца XVII в. и в течение XVIII в. статут 1662 г. дополнялся и разъяснялся другими законами²³. Самыми существенными из них следует признать акты 1691 и 1696 годов²⁴. Они сужали действие закона 1662 г. в одном смысле. Закон 1691 г. разъяснял, что «если какой-нибудь неженатый человек, не имеющий ребенка или детей, будет законно нанят в каком-нибудь приходе или городе сроком на один год, то подобный найм будет признан и будет считаться основанием на право поселения». По закону же 1696 г. бедняк мог временно жить в чужом приходе, имея на руках удостоверение от своего прихода, и не только в период уборки урожая, но при условии, что он не требовал вспомоществования по бедности в чужом приходе, то есть имел какую-то работу. Закон 1712 г.²⁵, принятый в дополнение к основному акту 1662 г., специально разъяснял, что никакой работник, взятый кем-то по найму, не получал постоянного права на «законное поселение» в том приходе, куда он прибыл с письменным удостоверением. Как только он терял там работу и ему не на что становилось жить, он принужден был возвращаться в свой родной приход, ибо только там он имел право на «законное поселение». Остальные акты, принятые в дополнение и разъяснение закона 1662 г.²⁶, касались главным образом сложной процедуры, которую следовало соблюдать исполнителям этого закона: с какого срока отсчитывать 40 дней, как оповещать приход о новом пришельце, как его выселять и препровождать в родной приход и многие другие процессуальные тонкости.

Сущность закона 1662 г. состояла в том, что таким путем пауперов заставляли «оседать» в своих приходах, их закрепляли за приходами. Бедняк не мог свободно менять место жительства и становился, по существу, «крепостным прихода». После 1662 г. закон о поселении несколько раз продлевался, а в 1712 г. стал постоянным²⁷ и просуществовал в течение почти всего XVIII в. (до 1795 года).

Побудительные мотивы к изданию такого чрезвычайного закона разъяснялись в преамбуле к его основному тексту, а также в краткой речи короля, произнесенной им во время принятия закона в парла-

²² Ibid., 14° Car. II, 1662, ch. XII, pp. 401—405 («An Acte for the better Reliefe of the Poore of this Kingdom»).

²³ Применять на практике закон 1662 г. было крайне сложно; приходы постоянно конфликтовали между собой по процедурным вопросам (D. Marshall. The English Poor in the Eighteenth Century. L. 1926, p. 169).

²⁴ «The Statutes of the Realm». Vol. VI. L. 1819, 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; Vol. VII. L. 1820, 8°—9° Will. III, 1696—1697, ch. XXX, pp. 281—283.

²⁵ Ibid., Vol. IX. L. 1822, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797.

²⁶ Ibid., Vol. VI, 1° Jac. II, 1685, ch. XVII, pp. 19—20; 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; Vol. VII, 9° Will. III, 1696—1698, ch. XI, pp. 364—365; Vol. IX, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797; «The Statutes: Revised Edition». Vol. II. L. 1871, 9° Geo. I, 1722—1723, ch. VII, pp. 308—309; 16° Geo. II, 1742—1743, ch. XVIII, p. 467; 31° Geo. II, 1757—1758, ch. XI, p. 623.

²⁷ «The Statutes of the Realm». Vol. VI. 1° Jac. II, 1685, ch. XVII, pp. 19—20; 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; 4° Will. and Mary, 1692, ch. XXIV, pp. 423—427; Vol. VII, 11° Will. III, 1698—1699, ch. XIII, p. 600; Vol. VIII, 6° Anne, 1706, ch. XXXIV, pp. 632—633; Vol. IX, 12° Anne, 1712, ch. XVIII, pp. 796—797.

менте. Судя по официальным обоснованиям, на закон возлагались следующие надежды: обеспечить безопасность имущей Англии путем установления эффективного контроля в приходах за пауперизованной частью общества (король требовал применения «решительной суровости» к пауперам); упорядочить финансовое «бремя» собственнических классов, то есть налог в пользу бедных; наконец, принудить пауперов к труду в новых, капиталистических условиях²⁸.

Закон об оседлости стал основным в рабочей политике Английского государства с конца XVII в. и на протяжении всего XVIII века. Поэтому мимо него не могли пройти ни современники, ни последующие историки. Он никого не оставил равнодушным, разделив исследователей на два лагеря. Первый из них — лагерь суровых его критиков. Сразу после принятия закона с осуждением его выступил тогдашний публицист Дж. Чайлд, а в 70-е годы XVIII в. Адам Смит также решительно критиковал введение оседлости рабочего люда²⁹. Вслед за современниками многие историки встали на позиции отрицательного отношения к закону³⁰. Критика шла по нескольким направлениям. Одно из них — в защиту свободы личности: подчеркивалась антигуманность закона. А. Смит писал: «Выселение человека, не совершившего никакого преступления или проступка, из избранного им для жительства прихода представляет собою очевидное нарушение естественной свободы и справедливости». Хотя, продолжал Смит, «мыслящие люди нередко указывали на закон об оседлости как на общественное зло», простой народ Англии «уже более столетия терпит это угнетение»³¹. Историки называли закон об оседлости «железным клеймом рабства, поставленным на душу английского рабочего», «деспотическим узаконением»³². В этой критике, которая подходила к закону скорее с позиций морали, следует выделить то, что составляло ее социально-экономическое обоснование. Так, Ашротт, историк конца XIX в., писал, что по закону 1662 г. прилежный и старательный работник стеснен в свободном выборе места для своих занятий, «у рабочих отнята возможность и охота искать работу вне своего прихода»³³. Ашротт указывает на узурпацию у английского рабочего необходимой свободы трудоустройства, права на вольное предложение своих рук. Другие историки обращали внимание на то, что запрет мобильности рабочего населения наносил ущерб промышленности и экономическому процветанию страны в целом. Наконец, писали и о том, что с реализацией закона связаны значительные затраты (выселение бедняка из чужого прихода под конвоем, плата в судах за разбирательство дел о выселении и т. д.).

Представители другого лагеря в полемике с названными авторами отрицают в основном реальное значение закона в повседневной жизненной практике³⁴. Они считают, что этот закон потому не был непреодолимым барьером, что он никогда последовательно не выполнялся. Подтверждение этому они видят в текучести рабочих, которая, по их

²⁸ Ibid., Vol. V, 14° Car. II, 1662, ch. XII, p. 401; «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV (1660—1688). L. 1808, col. 247.

²⁹ J. Child. Op. cit.; А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. 1962. Критику закона другими современниками см.: R. North. A Discourse on the Pernicious Tendency of the Laws for the Maintenance and Settlement of the Poor. L. 1753; «Populousness with Oeconomy the Wealth and Strength of the Kingdom...». L. 1759 а. о.

³⁰ T. W. Fowle. The Poor-Law. L. 1881; J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Labour and Price. L. 1884; П. Ф. Ашротт. Призрение бедных в Англии. СПб. 1901, и др.

³¹ А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

³² T. W. Fowle. Op. cit., p. 63; J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. L. 1949, p. 7.

³³ П. Ф. Ашротт. Указ. соч., стр. 20—21.

³⁴ J. Massie. A Plan for the Establishment of Charity Houses. L. 1758; J. Howlett. The Insufficiency of the Causes... L. 1788; F. M. Eden. The State of the Poor. Vol. I. L. 1797; G. T. Griffith. Population Returns of the Age of Malthus. L. 1926, а. о.

мнению, оставалась характерной чертой всего XVIII в., а также в процветании новых промышленных районов.

Таким образом, главные вопросы, поставленные в историографии, сводятся к влиянию закона 1662 г. на положение рабочего населения, а также к совместимости потребностей капитализма в мобильности народных масс с действием закона об оседлости. Ответ на эти вопросы требует исследования практического применения закона об оседлости, а также его конкретных последствий в жизни. Попытаемся дать оценку закону 1662 г., который можно с полным основанием считать краеугольным камнем рабочей политики Английского государства.

Документы, относящиеся к первой половине XVIII в., охватывают несколько графств: Кембриджшир, Бедфордшир, Миддлсекс, Уилтшир, — которые имели различную хозяйственную ориентацию: развитый в промышленном отношении Миддлсекс; сельскохозяйственный уклон в экономике Кембриджшира, Бедфордшира и Уилтшира. Основной и самый ценный тип источников — протоколы квартальных сессий мировых судей. Через суды проходили дела по поводу нарушения закона об оседлости, и там окончательно решался вопрос о поселении или выселении рабочих.

Протоколы квартальных сессий за 19 лет для Миддлсекса, за 46 лет для Кембриджшира и за один год для Уилтшира дают весьма ценный материал для выводов. К этим источникам относятся и документы архива прихода Данстэбл в Бедфордшире³⁵.

Прежде всего по этим источникам можно определить среднегодовое количество решений о выселении, принятых мировыми судьями по отдельным графствам. В Миддлсексе за 19 лет в связи с законом об оседлости было рассмотрено 477 дел, то есть в среднем за год 25. Иная картина в Кембриджшире, где в среднем на год приходилось 11,5 дела о выселении, а в Уилтшире за 1736 г. их рассмотрено 13.

Следовательно, дел о выселении было немного в любом графстве, даже таком экономически развитом и занимавшем к тому же центральное положение, как Миддлсекс³⁶. Именно на этом основании некоторые исследователи заключают, что закон 1662 г. не имел де практического значения, поскольку не проводился в жизнь и не был препятствием для миграции пауперов³⁷. Нам представляется более верным другое объяснение. Дело в том, что мнению этих историков противоречат известные факты, а именно, что закон неоднократно продлевался, а с 1712 по 1795 г. был постоянно действующим. Вряд ли в интересах буржуазно-дворянского парламента было бы принимать все эти законы, материально затрагивавшие собственные классы, если бы они не имели реального значения. Как раз малочисленность дел о выселении, по нашему мнению, и является показателем того, что закон весьма активно решал те проблемы, которые были определены законодателями. Он пресекал вольное перемещение пауперов по стране, и огромные массы бедняцкого населения действительно оседали под действием этого закона по своим приходам. В этом, как нам представляется, и следует искать ответ на вопрос, поставленный А. Смитом в 70-х годах XVIII века, то есть в период, когда закон об оседлости просуществовал в стране более ста лет и уже «сделал свое дело». А. Смит недоумевал, почему закон об оседло-

³⁵ «Middlesex County Records, 1689—1709». Ed. by W. J. Hardy. L. 1905; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736». Ed. by J. P. M. Fowle. Devizes. 1955; «Cambridgeshire Quarter Sessions Records, 1699—1749». In: D. Marshall. Op. cit.; «Dunstable Parish Papers. Bedfordshire, 1692—1766». Ibid.

³⁶ Это же подтверждают документы приходских архивов Эссекса. «Essex Parish Records, 1240—1894». L. 1950, pp. 51, 54, 120, 166, 167, 203, 215 a. o.

³⁷ G. T. Griffith. Op. cit.; S. and B. Webb. English Poor Law History. Pt. I. The Old Poor Law. L. 1927.

сти, «это угнетение», как он пишет, «никогда не вызывал каких-либо массовых народных протестов»³⁸. Порожденный страхом правящей Англии перед возмущением обездоленного народа, этот закон достиг своей цели. Недоумение А. Смита является тому свидетельством. Тысячи бедняков, составлявшие в совокупности грозную силу, были этим законом разведены, расписаны по приходам и поставлены под власть приходской администрации. Протоколы мировых судей, раскрывающие истинное положение дел на местах, показывают, что буквально каждый бедняк был на виду, его судьбой полностью распоряжался приход, приходы судились между собой, определяя место жительства пауперов, перегоняли их из одной деревни в другую, из одного города в другой. Конечно, не все переселения бедняков вызвали судебные разбирательства. На практике подобных переселений было гораздо больше (пришельцы нередко прятались в течение 40 дней, чтобы не быть высланными по месту прежнего жительства; крайне сложные судебные разбирательства дорого обходились приходам, поэтому местные власти нередко предпочитали обходить закон и т. д.)³⁹. Однако основная масса пауперов все-таки оставалась на местах, находясь под пристальным контролем прихода.

Прослеживается еще одна черта. Передвижения пауперов были весьма ограничены локально. Протоколы квартальных сессий показывают, что, как правило, пауперы переселялись в пределах одного графства. Рассмотренные по Уилтширу дела о переселениях за 1736 г. свидетельствуют, что большинство пришельцев составляли жители близлежащих приходов. Только 5 случаев относятся к переселениям из других графств, но также расположенных неподалеку от Уилтшира — из Беркшира, Сомерсетшира, Сауземптона и Глостершира. Из 70 сертификатов на поселение, обнаруженных по приходу Линтон (Кембриджшир), только 4 были получены из дальних приходов. Перемещения внутри графства подтверждаются и сертификатами по другим приходам Кембриджшира: в Ройстоне, как об этом свидетельствуют сохранившиеся сертификаты, поселились 105 чужаков, из них 70 пришли из других приходов того же Кембриджшира. В Митлпорте из 76 поселенцев 52 были жителями того же графства⁴⁰. Таким образом, если закон об оседлости оставлял лазейку для переселений (система сертификатов), то практически передвижения пауперов происходили лишь на очень небольшие расстояния. Это и понятно, так как сведения о возможности трудоустройства, условиях жизни и работы в других приходах поступали из близлежащих районов. Большое значение имели и родственные связи. Женщина, вышедшая замуж и поселившаяся у мужа в соседнем приходе, овдовев, возвращалась с детьми в свой бывший приход. Дети, оставшись сиротами, как правило, переселялись в приходы, где жили их родственники⁴¹. Иначе обстояло дело лишь с бродячими пауперами, нищими, которые, скрываясь от властей, нередко проходили по дорогам страны значительные расстояния.

Еще один весьма важный вывод напрашивается из сопоставления приведенных выше данных по различным графствам⁴². В промышленно

³⁸ А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

³⁹ «The Statutes of the Realm». Vol. VI, 3° Will. and Mary, 1691, ch. XI, pp. 314—315; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 20, 22, 23, 28, 31, 51, 74, 96; Н. S. Cooper. Hawkhead, the Northmost Parish in Lancashire. L. 1899, p. 422. (цит. по: D. Marshall. Op. cit., p. 171); A. W. Ashby. One Hundred Years of Poor Law Administration in a Worwickshire Village. Oxford, 1912, p. 74, а. о.

⁴⁰ «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 21—23, 49, 51; E. M. Hampson. The Treatment of Poverty in Cambridgeshire, 1597—1834. Cambridge. 1934, pp. 147—148.

⁴¹ «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 20, 22; «Middlesex County Records», pp. 10, 14; D. Marshall. Op. cit., pp. 173—174.

⁴² См. также A. W. Ashby. Op. cit., p. 79; D. Marshall. Op. cit., p. 165.

развитые районы был бо́льший приток пауперов, чем в экономически слабые, сельскохозяйственные. В поисках средств существования пауперы направлялись туда, где было ключом капиталистическое предпринимательство.

Анализ протоколов мировых судей позволяет выявить и еще одну закономерность. С 1690 по 1709 г. в промышленно развитом Мидлсексе из 477 дел об оседлости 245, то есть более половины, относились к вдовам, одиноким женщинам с детьми или без детей; 103 решения предписывали выселение детей; 98 — супружеских пар и только 31 — неженатых мужчин. Иначе говоря, в первую очередь из приходов выселялись нетрудоспособные или малотрудоспособные женщины и дети, поскольку их содержание означало для приходов увеличение налога в пользу бедных. Выселение супружеских пар объясняется этими же причинами. Если работать устраивался муж, то его заработка едва хватало на содержание его самого и жены. Но у них появлялись дети, и тогда эта семья, испытывая нужду, становилась обременительной для прихода. Во избежание этого супружеским парам, пусть пока и бездетным, отказывали заранее в праве поселения⁴³.

Во всяком случае, приведенное соотношение весьма показательно. Перемещались главным образом те пауперы, которые не представляли собой ценности как рабочая сила. Неженатые мужчины в молодом возрасте реже уходили из родных приходов, так как по месту жительства они в первую очередь получали работу. Если там для них занятий не находилось, трудоспособным работникам выдавали удостоверение на право временного поселения в другом приходе, ибо им легче было устроиться на работу и на стороне. Из числа одиноких мужчин чаще выселяли больных или пожилых, поскольку именно они, так же как женщины и дети, становились обузой для прихода. Можно предположить, что приходы были заинтересованы в выселении также тех пауперов-мужчин, которые составляли здесь излишек рабочей силы. Во всяком случае, в рассмотренных протоколах дел о неженатых мужчинах меньше всего.

Изучение английским историком Д. Маршалл протоколов квартальных сессий мировых судей для графства Кембридж подтверждает картину, выявленную для Мидлсекса, хотя хозяйственное направление двух графств не одинаково. За 46 лет, с 1699 по 1749 г. (с перерывом в 4 года, с 1732 по 1736 г.) по протоколам зафиксировано 532 решения о выселении. Из них 242 касались женщин и детей, 224 — семейных и только 66 — одиноких мужчин. Более позднее исследование той же проблемы в том же графстве Кембридж, предпринятое Хэмпсон, подтвердило правильность вывода, сделанного ранее. Протоколы четырех сессий мировых судей Уилтшира за 1736 год показывают, что 13 дел о выселении рассматривались в течение этого года 28 раз. Ни одно из них не касалось холостых мужчин. Речь шла об одиноких женщинах или женщинах с детьми, о семейных людях. Архив прихода Данстэбл в Бедфордшире включает 62 решения о выселении за 1692—1766 годы. 52 решения относились к семьям, к женщинам и детям. Только 10 касались одиноких мужчин. О том, что приходы стремились избавиться всеми путями от избытка неполноценной рабочей силы, говорит такой факт: от женщин-пауперов приходы избавлялись, даже приплачивая им, если они выходили замуж за мужчину из другого прихода и переселялись туда⁴⁴.

⁴³ См. об этом также: Th. Alcock. Observations of the Effects of the Poor Laws. L. 1752, pp. 19—20.

⁴⁴ D. Marshall. Op. cit., pp. 164—165; E. M. Hampson. Op. cit., p. 140; «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 16, 17, 20, 22; A. W. Ashby. Op. cit., p. 78.

Косвенные данные укрепляют нас в этом же мнении. Рассматривая последствия закона об оседлости, необходимо поставить их во взаимосвязь с другими законодательными актами, относящимися к рабочим и пауперам. Работоспособные пауперы активнее принуждались к труду, особенно после закона 1723 г. о рабочих домах⁴⁵. Им предоставлялся выбор или идти в рабочий дом, или трудоустроиться самим. В противном случае они все равно лишались приходского пособия по бедности, то есть даже самого мизерного средства существования, которое сохранялось после 1723 г. лишь для больных, стариков, явно нетрудоспособных. Обследование источников по рабочим домам показало, что в основном туда попадали дети и пауперы пожилого возраста⁴⁶. Однако закон о рабочих домах имел и другое следствие. Трудопособные пауперы, чтобы избежать рабочих домов, всеми путями стремились найти работу, обрести источник существования⁴⁷. Поэтому пауперы, представлявшие ценность как рабочая сила, скорее становились «работающими бедняками». Естественно, что они удовлетворяли спрос на рабочую силу прежде всего в пределах той округи, где жили. Местные предприниматели получали возможность привлекать их в первую очередь в свои заведения. В этом как раз и состоит один из важных результатов действия закона об оседлости. В совокупности с другими законодательными актами — о рабочих домах, о преследовании «праздношатающихся» пауперов⁴⁸, закон об оседлости гарантировал местным мануфактуристам и всякого рода предпринимателям удовлетворение их спроса на рабочую силу. Это обстоятельство также может служить одним из возможных объяснений отмеченной выше сравнительной малочисленности судебных дел, касавшихся полноценных работников. Самым вероятным для такого паупера было трудоустройство в своей местности. Достаточно было кому-либо из местных предпринимателей пожелать использовать паупера в своем заведении, и приходские власти отказывали последнему в выдаче сертификата на поселение в другом районе. Иной путь, предусмотренный законом об оседлости, — наем крепкого здоровьем паупера в соседнем приходе, вообще поблизости, откуда поступали сведения о спросе на рабочую силу. В этом случае паупер получал от приходской администрации соответствующий сертификат, разрешающий трудоустройство и поселение в чужом приходе. В этом случае переселение паупера из своего прихода, естественно, не вызывало протеста со стороны властей другого прихода⁴⁹. Таким образом, источники подтверждают довольно строгое проведение в жизнь акта, принятого в 1691 г. в дополнение к основному закону.

Попробуем теперь суммировать доступный нам материал о последствиях закона об оседлости. Несомненно, что этим законом в Англии была создана достаточно эффективная система контроля над широчайшими массами экспроприированных. Такого количества обездоленных не знало ни одно общество в период становления капитализма, и ни одно государство не издавало подобного закона в процессе так называемого первоначального накопления. Господствующим классам нужны были меры безопасности, и они были найдены принятием закона об оседлости — закона столь повсеместного и длительного действия.

⁴⁵ «The Statutes: Revised Edition». Vol. II, 9° Geo. I, 1722—1723, ch. VII, pp. 305—309.

⁴⁶ См. Н. М. Мещерякова. Рабочие дома в Англии первой половины XVIII века. «Проблемы британской истории». М. 1972.

⁴⁷ F. M. Eden. Op. cit., p. 284; S. and B. Webb. Op. cit., pp. 243—245.

⁴⁸ «The Statutes of the Realm». Vol. IX, 13° Anne, 1713, ch. XXVI, pp. 976—983.

⁴⁹ Современный английский исследователь Райли подтверждает, что большинство работников, прибывавших в Лондон, составляли физически крепкие молодые люди (E. A. Wrigley. A Simple Model of London's Importance in Changing English Society and Economy, 1650—1750. «Past and Present», 1967, № 37, p. 47).

А. Смит писал: «Вряд ли найдется в Англии хотя один бедняк в сорокалетнем возрасте, который в какой-либо момент своей жизни не почувствовал жестокий гнет этого нелепого закона об оседлости»⁵⁰. Даже если принять во внимание наличие значительного числа бездомных «бродяг», «упорных нищих», как именовало законодательство часть тех же обездоленных, к которым адресовались «кровавые законы» и надзор за которыми организовать было труднее, все же основная масса пауперов, прикрепленная к приходам, находилась под надежным контролем местных властей. Вместе с тем закон об оседлости не только не чинил препятствий предпринимателям, но как раз наилучшим образом обеспечивал их запросы на рабочую силу равномерным распределением ее предложений.

Миграция рабочего населения в промышленные районы не прекратилась в течение первой половины XVIII века. И это отнюдь не противоречило действию закона об оседлости. Для первой половины XVIII в. характерен рост промышленного населения, происходивший прежде всего за счет важных процессов, связанных с расширением промышленного производства в условиях утверждения капиталистических отношений, — перекачкой населения из сельского хозяйства в промышленность, приобщением к промышленному производству тружеников деревни как реальных, так и уже экспроприированных. Это наглядно выражалось в увеличении городского населения, которое в начале XVIII в. составило около 13 процентов общего населения страны, в середине XVIII в. — 15—16 процентов⁵¹. Лондон превратился в крупнейший город Европы. В 1700 г. в нем жило 575 тысяч человек, за полвека число жителей дошло до 675 тысяч, что составляло 11 процентов всего населения страны. В доках порта в начале XVIII в. уже было занято до четверти жителей города⁵². Другие города Англии значительно уступали столице, но и в них число жителей возросло. Такие крупные города, как Норич, Бристол, насчитывали каждый более 20 тысяч жителей; выросли Бирмингем, Ливерпул, Манчестер, которые в XVII в. еще только начинали играть заметную роль в экономической жизни страны⁵³. Другой показатель — рост населения именно в торгово-промышленных графствах, причем не за счет естественных процессов (увеличение рождаемости), а как раз благодаря внутренней миграции. За 1701—1751 гг. население сельскохозяйственных графств возросло таким путем незначительно (на 10 209 чел.), а торгово-промышленных — на 295 618. Среднегодовой прирост за счет миграций в 1701—1750 гг. выше всего был в Миддлсексе и Лондоне, в Сэрри, Ланкашире и других промышленных графствах⁵⁴. Представление о направлении миграционного процесса к промышленно развитым районам дают также показатели растущей плотности населения. В 1700 г. плотность населения от 100 и выше жителей на 1 кв. милю приходилась на 13 графств, а в 1750 г. — уже на 23. В число районов с повышенной плотностью населения входили Миддлсекс, Сэрри, Глостершир, Уорикшир, Ланкашир, Уэст-Райдинг в Йоркшире и другие растущие в промышленном отношении старые и новые экономические центры⁵⁵.

В Бирмингеме, например, за 1682—1726 гг. с законными сертификатами на руках поселились 695 рабочих. Найденные в архиве прихода Тисо документы говорят о том, что отсюда пауперы уходили на

⁵⁰ А. Смит. Указ. соч., стр. 118.

⁵¹ Ph. Deane and W. A. Cole. *British Economic Growth, 1688—1959: Trends and Structure*. Cambridge. 1962, p. 7.

⁵² E. A. Wrigley. *Op. cit.*, pp. 44, 45—46, 62.

⁵³ P. Ramsey. *Op. cit.*, pp. 10—11, 15; Ph. Deane and W. A. Cole. *Op. cit.*, p. 7.

⁵⁴ Ph. Deane and W. A. Cole. *Op. cit.*, pp. 103, 108—109, 115.

⁵⁵ B. Williams. *The Whig Supremacy, 1714—1760*. Oxford. 1942, pp. 317, 119.

заработки в Лондон, Лестер, Бирмингем и в этих промышленных центрах проводили большую часть своей трудовой жизни. В приходе Топсфилд (Эссекс) одна шестая часть рабочих семей (из 240—40) состояла из пришельцев, имевших постоянное место жительства в других приходах. Документы, сохранившиеся в архивах приходов графства Эссекс, позволяют определить направление движения рабочего населения из северо-западных районов Эссекса к Лондону. По этим же документам можно судить о том, что и сюда переселялись пауперы, искавшие работу. Только в один эссекский приход за 1735 г. прибыло 120 бедняков с удостоверениями на поселение⁵⁶. Миграцию рабочего населения в рамках закона об оседлости констатировал один из крупных английских экономистов того времени, Дж. Масси⁵⁷.

Сопоставим все эти показатели, доказывающие миграцию пролетариев, с данными о действии закона об оседлости. Очевидная подвижность пауперов в первой половине XVIII в. не противоречила закону и допускалась системой сертификатов. Она означала, как видно по протоколам мировых судей, переселение, как правило, работоспособного мужского населения. Притягательными центрами для мигрантов были промышленно растущие районы, развивавшиеся по капиталистическому пути. Наиболее доступными среди них являлись, естественно, соседние области, близлежащие к родным приходам безработных пауперов. Перемещения бедняков на дальние расстояния, по сведениям из протоколов, выглядят маловероятными. Число пауперизованного населения было достаточно велико по всей стране, и каждый промышленный район мог быть обеспечен рынком рабочей силы, созданным в данной местности. Это не исключало, конечно, притока в промышленные центры тех пауперов, которые признавались законодательством «упорными нищими», «бродягами». Они преследовались законами, но, в сущности, труднее поддавались контролю со стороны местных властей. Они были бездомными пауперами, кочевавшими по дорогам из прихода в приход. До этого уровня опускались обездоленные бедняки, лишенные приходского пособия по бедности, не желавшие идти в рабочие дома. Поскольку они исключались из состава санкционированной законом корпорации бедных в своем приходе, они не носили опознавательного знака, выдаваемого приходской администрацией, — изображения на рукаве одежды буквы «Р» («роог» — бедняк, паупер) и первой буквы названия прихода. Они считались вне легальных рядов пауперов и, если не находили себе занятия, то, будучи обнаружены местными властями, заключались ими в исправительные или рабочие дома. Если же им удавалось убежать оттуда, их вновь доставляли к мировым судьям, и наказание усиливалось. В третий раз им грозила высылка в американские колонии⁵⁸.

Английские историки, подвергающие сомнению действенность закона об оседлости, ссылаются на то, что промышленные области Севера, Запада и Центра якобы не смогли бы пополняться новой рабочей силой, если бы закон 1662 г. проводился в жизнь⁵⁹. Однако одно не противоречило другому. Закон оставался постоянно действующим и выполнялся на местах, пусть не всегда строго. Внутренняя же миграция в промышленные центры продолжалась, во-первых, за счет переселения

⁵⁶ W. H. B. Court. *The Rise of the Midland Industries, 1600—1838*. L. 1938, p. 49; A. W. Ashby. *Op. cit.*, p. 66; J. Howlett. *Op. cit.*, p. 204; «Essex Parish Records, 1240—1894», pp. 27, 240.

⁵⁷ J. Massie. *Op. cit.*, pp. 99, 112.

⁵⁸ «The Statutes of the Realm». Vol. V, 14° Car. II, 1662, ch. XII, p. 405; vol. VII. L. 1820, 8°—9° Will. III, 1696—1697, ch. XXX, p. 281; vol. IX, 13° Anne, 1713, ch. XXIV, pp. 976—983.

⁵⁹ F. M. Eden. *Op. cit.*, pp. 297—299; J. Howlett. *Op. cit.*, p. 225; A. W. Ashby. *Op. cit.*, pp. 78—79 a. o.

бедноты из близких к этим центрам приходов и соседних графств, что допускалось и законом об оседлости применительно к трудоспособным пауперам; во-вторых, за счет притока бродячих или, как их в литературе называют, «случайных» пауперов (по терминологии законодательства, «упорных нищих» и «бродяг»). Этот вывод отчасти совпадает с мнением другого исследователя, который писал о том, что закон об оседлости «предотвращал свободное движение труда с сельскохозяйственного Юга к промышленному Северу» и что «Север пополнял свое население в огромной степени за счет притока людей из сельских частей северных же графств»⁶⁰.

Таким образом, наши данные не позволяют согласиться с теми, кто, несколько догматизируя закон об оседлости, считает, что он сковывал предложение труда и тем самым задерживал экономическое развитие страны. Вместе с тем нельзя принять выводы и тех исследователей, которые вовсе пренебрегают реальными последствиями проведения этого закона в жизнь. Система оседлости, созданная по закону вместе с дополнением к ней — разрешением выдачи сертификатов, оказалась очень гибкой в своеобразных условиях Англии на поздней стадии генезиса капитализма. Она обеспечивала интересы поднимавшейся английской буржуазии и правящих классов страны в целом. В самом деле, путем введения закона об оседлости официальная Англия защищала себя от противостоявшего ей лагеря обездоленной массы экспроприированных. Это и была та самая «реформация в отношении многочисленных нищих и бедняков, наводняющих королевство», о которой говорил при утверждении закона Карл II Стюарт⁶¹. Этой «решительной суровостью», как назвал закон сам Стюарт, господствующая часть общества ставила пауперов под контроль местных властей.

Можно ли считать, что закон 1662 г. явился тормозом для экономического развития страны, точнее, для становления раннего капитализма? Очевидно, нет. Продолжавшаяся внутренняя миграция беднейшего населения свидетельствует о том, что каналы рабочей силы в районы растущей промышленности не перекрывались. Необходимая капитализму подвижность населения⁶² не приостанавливалась. Она только вводилась в определенные рамки, отнюдь не бессмысленные, с точки зрения буржуазии: передвигались, как правило, полноценные работники и притом так, что оседали — вынужденно или добровольно — там, где усиливалась потребность в рабочих руках.

Целью законодателей, кроме того, было проявление «великой заботы и милосердия к тем, кто готов трудиться»⁶³. Эта «великая забота» на практике означала, что работоспособная беднота попадала в руки предпринимателей, как в сети, и принуждалась к труду на кабальных условиях.

Следовательно, отнюдь не создавая помех в обеспечении английской буржуазии свободными рабочими руками, не ставя барьера капиталистической предприимчивости, закон об оседлости весьма пагубно влиял на положение пауперов как безработных, так и работающих. Попав в сферу действия закона, пауперы лишались возможности вольного выбора места жительства, иначе говоря, свободного трудоустройства и поиска наиболее выгодного для них приложения своих рук.

Такое неблагоприятное положение создавалось для работоспособных, которые, хотя и могли перемещаться, но ограниченно, лишь в угоду местным предпринимателям, а не руководствуясь своими интересами. Роджерс справедливо заметил, что «эффект от закона об оседло-

⁶⁰ G. Griffith. Op. cit., p. 161.

⁶¹ «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV, 1660—1688, col. 247.

⁶² В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 600.

⁶³ «Cobbett's Parliamentary History». Vol. IV, 1660—1688, col. 247.

сти пауперов в приходах состоял не только в том, что рабочий прикреплялся к приходу по месту жительства, но и в том, что он превращался в раба⁶⁴, то есть принуждался трудиться совершенно без учета его собственных интересов и нужд.

Что же касается остальных категорий бедноты — женщин, детей, пожилых — словом всех, не представлявших интереса для предпринимателей, то их положение в результате действия закона об оседлости было попросту безвыходным. В поисках средств существования одинокие женщины, вдовы с детьми, многодетные семьи переселялись из своих приходов в чужие, а оттуда перегонялись снова в свои. И так по нескольку раз. Записи протоколов мировых судей за 1701 г. рассказывают о мытарствах семьи Томаса Коула в Кембриджшире. Получив сертификат на выезд из родного прихода, эта семья поочередно поселилась в трех приходах графства и трижды высылалась обратно в свой приход по решению приходских властей, подтвержденному мировыми судьями. Дети, оставшиеся сиротами после смерти матери, семь раз за 1704—1708 гг. то вселялись, то выселялись из приходов Кембриджшира, согласно решениям властей⁶⁵. Марта Уэллс с пятью детьми переселилась в приход Хангерфорд (Уилтшир) из прихода Чивли, что в Беркшире. Отсюда ее с малолетними детьми, старшему из которых было всего 14 лет, снова переселили в беркширский приход. Вдова Мэри Милтон пришла в приход Хетчбери (Уилтшир) из Саутгемптона и по решению мировых судей проделала обратный путь, не принятая новым приходом. Та же неудача постигла Энн Эдвардс, которая пришла в Уилтшир из Сомерсетшира⁶⁶. Нередко многократные переселения бедняков заканчивались тем, что пауперов находили мертвыми в придорожных канавах⁶⁷. Случалось и так, что, не добившись избавления от обременительного паупера на законном основании, приходская администрация не гнушалась преступлениями. Надзиратели прихода Крейфорд в Кенте перевезли через Темзу мальчика-паупера и оставили его там в одиночестве. Вскоре жители одного из приходов Эссекса нашли его мертвым⁶⁸.

Прикрепление пауперов к приходам, выслеживание переселенцев, подобное «охоте за лисами», как писал об этой практике современный поэт⁶⁹, наконец, принудительное возвращение их местными властями чужих приходов в свои родные — все это давало основание сравнивать приходы с тюрьмами. Жестокое влияние закона об оседлости на положение беднейших слоев общества позволило К. Марксу провести аналогию между ним и мероприятиями по укреплению крепостного права в России конца XVI века⁷⁰.

Такова оборотная сторона политики Английского государства, проводившейся в интересах правящих классов и особенно молодой буржуазии⁷¹. Ее рассмотрение еще раз подтверждает незыблемость научной концепции генезиса капитализма, которая видит основу зарождения и становления нового частнособственнического строя в экспроприации и угнетении народных масс. Закон об оседлости — одно из тяжких проявлений этого угнетения.

⁶⁴ J. E. Th. Rogers. Six Centuries of Work and Wages. L. 1949, p. 434.

⁶⁵ D. Marshall. Op. cit., pp. 170—171; E. M. Hampson. Op. cit., p. 130.

⁶⁶ «Wiltshire Quarter Sessions and Assizes, 1736», pp. 17, 21, 23, 49, 51.

⁶⁷ A. W. Ashby. Op. cit., p. 73.

⁶⁸ «Essex Parish Records», p. 174.

⁶⁹ Цит. по: C. J. Ribton-Turner. A History of Vagrants and Vagrancy and Beggars and Begging. L. 1887, p. 167.

⁷⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 734.

⁷¹ Веббы справедливо писали, что закон 1662 г. «с бессовестной иронией» был назван официально «Законом о лучшем вспомоществовании беднякам королевства». (S. and B. Webb. Op. cit., p. 315).